

ЕВРЕЙСКИМ КАМЕРТОМ

ЛЮБОВЬ ТВОРЯТ В ЗИНЬКОВЕ - стр.5

На картинах Зелия Смехова - самодовольные, упивающиеся собственной "мудростью" морды, налитые неуступчивой злобой узкие глазницы. Рогатые лбы, сошедшие в смертельном поединке. Овечье стадо, послушно продвигающееся за вожаком в неизвестном никому направлении...

Читайте на стр. 12-13

ФИЛОСОФИЯ ПЕРА И КИСТИ

Художник Зелий Смахов в Апокалипсисе жизни

Яков ЗУБАРЕВ

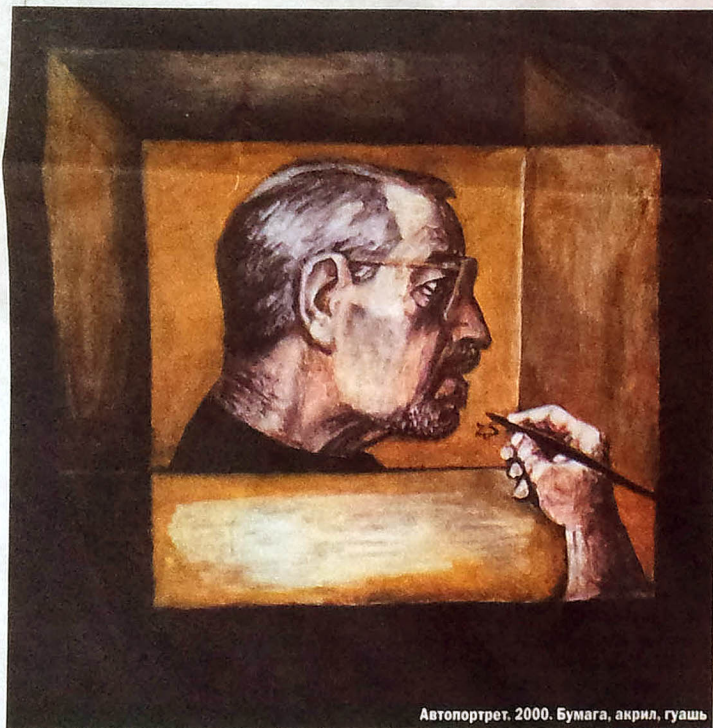
Передо мной лежит недавно вышедшая в свет, прекрасно оформленная книга. "Зелий Смахов" - выведено золотом по темной обложке

А на титульном листе заголовок: "Апокалипсис". "Танцы и маски". Таковы названия двух циклов работ, ставших основным содержанием книги. С восторгом перелистываю страницы альбома. Причины для этого две: во-первых, не так часто на небосклоне израильской культуры появляются такие добротные издания русскоязычных авторов; во-вторых - и в главных, - содержание данного издания впечатляет масштабностью, глубиной философского осмысления жизни, редким для нынешних

легкие, чем прежде.

Смысл "Апокалипсиса", как и вообще смысл художественного творчества, трудно привязать к жизненной конкретике, но, несомненно, вся тема этого огромного (почти полсотни полотен!) цикла навеяна той душевной ломкой, которую пережил - и, по большому счету, продолжает переживать по сей день со своими соотечественниками - художник Смахов.

Он, конечно, знал, что в изобразительном искусстве тема Апокалипсиса далеко не нова, но, сумев отстраниться от опыта старых мастеров (а среди них и такие имена, как Гойя и Дюрер) создал нечто совершенно оригинальное, потрясающее и взор, и сердце. В первом, московском цикле "Апокалипсиса" Смахов сделал основным "героем" лошадь. Безум-

Автопортрет. 2000. Бумага, акрил, гуашь

ломной эпохи. Свое видение этой эпохи и показывает нам художник, заставляя осмыслить и, если надо, переосмыслить свершившееся вокруг нас.

Казалось бы, после оставленных реалий новая родина должна была принести Зелию душевное равновесие. Но странное дело - "московская" сумятица не только не покидает его, а, наоборот, получает свое продолжение, обрастая новыми образами и символами. Только теперь эти образы совсем иные: на передний план выходит животное, которое ни по уму, ни по красоте даже близко не соперничает с лошадей. А именно - овца.

Самодовольные, упивающиеся собственной "мудростью" морды. Налицы неуступчивой злобой узкие глазницы. Рогатые лбы, сошедшиеся в смертельном поединке. Овечье стадо, послушно продвигающееся за вожаком в неизвестном никому направлении... Все это можно было бы принять за живописные зоологические картинки, если бы не одно обстоятельство: уж больно часто проглядывает во всех этих "портретах" человеческий взгляд, характер, поза.

Да, и Земля обетованная не принесла покоя чувствительной душе художника. Трудные судьбы соотечественников, быстро расстающихся на новой родине с

надеждами и иллюзиями, непрекращающаяся война за выживание, которую ведет его народ, человек со всеми его страстями и предубеждениями - впитывая в себя и по-своему интерпретируя окружающую действительность, Смахов задает себе и всем нам вечные вопросы: кто мы, что мы, для чего пришли в этот мир и что готовы передать следующим поколениям? Аллегоричность "Апокалипсиса" несет в себе, несомненно, заряд философского осмысления жизни, но философия эта не заслоняет глубокой эмоциональности произведений: каждое из них буквально дышит жизнью, пробуждая в зрителе и чувства сострадания, и ощущение сопричастности к описываемым событиям.

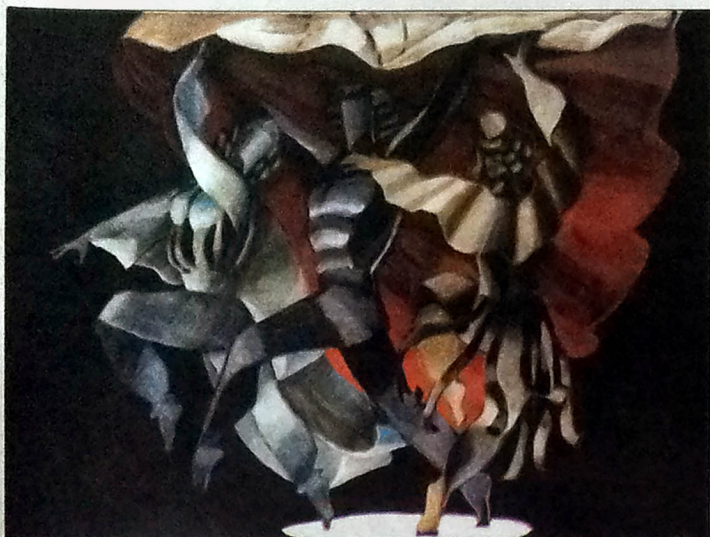
Вторая часть изданного альбома - "Танцы и маски" - носит, на первый взгляд, иной, далекий от "апокалиптического", характер. Тем не менее и здесь трудно найти присущую танцевальному виду искусства гармонию. Движения танцоров резки, напряжены, экспрессия рисунка рождает в душе не праздник, а тревогу. Кажется, и здесь, за лицами и масками танцующих, скрываются борьба, столкновение если не враждебных, то далеко не дружески настроенных друг к другу сил. Быть может, именно так выглядит

времен талантом реалистической живописи и рисунка.

"Апокалипсис" я впервые увидел на иерусалимской квартире художника еще десять лет назад. Многие полотна были написаны им в первые годы пребывания в Израиле, но начало серии было положено в Москве. Новая, "перестроечная" жизнь советской столицы настолько потрясла Смахова, что пробудила в нем совершенно незнакомые прежде образы. Там, где в порыве души многие видели лишь спадшие оковы коммунистического самовластья, он необъяснимым, присутствующим лишь творческой душе чувством, ощутил оковы другие, ничуть не более

ный взгляд мчащегося с поля битвы животного, стадо, сбившееся в кучу от неизъяснимой тревоги, страшный оскал лошадиных морд, ревущих в страхе перед стихией природы...

Не случайно художник взял себе в "соавторы" именно этот образ. Символ безупречной красоты и гармонии (как известно, для Дега и Жерико балерина и лошадь были чуть ли не единым эталоном природной гармонии), имеющий к тому же особое значение для российской истории в целом и для каждого россиянина в частности, лошадь, в представлении Смахова, как никакое другое животное могло передать весь ужас и боль пере-

и наша борьба за выживание на этой земле - в изматывающем душу танце жизни и в поиске нужной для каждого случая маски?

Между тем тот, кто, прочитав вышеизложенное, составит о Зелии Смехове представление как о художнике трагическом, конечно же, ошибется. Изданный альбом знакомит нас если не со всем творчеством мастера, то, во всяком случае, со многими его гранями. И, прежде всего, с той, что относится к иллюстрированию книги. Любители поэзии с радостью откроют для себя замечательные рисунки, сделанные к подарочному изданию сборника стихов Катуллы. Выполненные пером и тушью, легкие, изящные наброски являются, без преувеличения, совершенным продолжением тонкой лирики гениального поэта: кажется, с кончика пера художника соскальзывает та же любовь, которая владела Катуллой два тысячелетия назад.

А как хороши карандашные зарисовки! Студент московского художественного института имени Сурикова, Зелий успел получить уроки у такого замеча-

тельного мастера живописи и книжной иллюстрации, как Евгений Кибрик, а затем продолжил учебу в творческой мастерской графики при Академии художеств. С чуткостью настоящего талантливого человека Смехов воспринял традиции российской живописной школы - его портреты отца, сына, жены, еврейских "типажей", библейских героев говорят об остроте художнического взгляда, точности руки, а главное - чутком сердце.

Это сердце с недюжинной силой проявило себя в другой серьезной работе мастера - иллюстрациям к книге "Песнь песней". Они были сделаны по заказу американского издательства "Бейт-Альфа" и стали событием как в жизни художника, так и для многих библиофилов. Дело в том, что книга эта издана тиражом всего в сто экземпляров и предназначена для истинных знатоков литературы и ценителей полиграфического искусства. Кожаный переплет с оригинальным тиснением, вкрапленные в форзац особым технологическим способом лепестки живых цветов, выполненная рукой - не

компьютером! - запись текста легендарной поэмы...

Но главное богатство книги, несомненно, в иллюстрациях. Гимн Любви, гимн Женщине - вот что такое Соломонова "Песнь песней", и художнику удалось воплотить в карандаше именно эту глубинную суть "Песни", всю ее поэтическую прелесть и глубочайший лиризм. Даже те несколько иллюстраций, что приведены в альбоме Зелия Смехова, дают ясное представление об уникальности книги в целом.

Почти сто иллюстраций включены в альбом художника. Не приходится сомневаться, что выход его в свет - событие не только израильской и российской (учиты-

ценностей и эстетических критериев реальный вес в искусстве имеют не "представители" тех или иных направлений, но, прежде всего, яркие, крупные личности, соединившие профессиональное мастерство с оригинальностью образной мысли. Мерой их масштаба может служить исключительно индивидуальность таланта. К таким художникам относится Зелий Смехов". Такими словами заканчивает опубликованный в альбоме очерк творчества Смехова доктор искусствоведения профессор Григорий Островский.

Хочется добавить только одно: альбом "Апокалипсис" - достойный итог сорокалетней творческой деятельности художника. За эти годы его работы выставля-

вая происхождение мастера) культуры. То, о чем пишет, о чем повествует своими полотнами Смехов, интересно каждому образованному человеку, волнует гражданина любого уголка планеты Земля.

"В безмерном пространстве современного постмодернистского плюрализма, в эпоху девальвации многих духовных

лишь на тридцати выставках, более половины из них прошли уже на этой, израильской земле.

И дай Б-г, чтобы талант большого мастера продолжал будить в нас мысль, заставляя ставить перед собой острые вопросы. Ведь в этом, по большому счету - истинное предназначение Искусства.

ВЫСТАВКА АБРАМА МОНОСЗОНА В ЦДХ

В Москве, в Центральном доме художника, прошла выставка Абрама Моноссона - художника, который в своем творчестве воспел еврейский народ и еврейскую культуру. Выставка была организована галереей "Веллум"

Абрам Моноссон родился в 1914 году, в Могилеве. В 1943 году он поступил в Текстильный институт в Москве и начал учиться у знаменитых мастеров - Александра Куприна и Вениамина Эйгеса. В творчестве Моноссона впоследствии ощущалось влияние обоих художников. Причем у Куприна он взял пластические мотивы, живописные традиции "Бубнового валеа", а Эйгес подарил своему ученику глубокий интерес к изображению еврейской культуры и быта.

Таким образом, художник присоединился к многочисленной тогда диаспоре

"русских еврейских художников", - уникальному явлению, аналогу которого нет в мире. Живописные традиции и мотивы, возникшие благодаря школе Пэна, - те, что впоследствии были продолжены и развиты Марком Шагалом, - сочетали в себе мир реальный и фантастический, сюжеты, почерпнутые из Торы, и современность.

Абрам Моноссон мыслил категориями еврейской культуры, и это глубоко ощущается в его творчестве. Художник изображал еврейский быт, жизнь еврейских местечек, по-своему переосмысливал Тору. При этом мастер глубоко страдал, ибо считал, что изображать человека греховно, полагал, что нарушает завет Творца, - но не писать не мог.

В его небольших по размеру картинах ангелы и пророки изображаются, как простые люди, а простые люди похожи на пророков. Толстая Ева, в испуге прикры-

вающая голову от ангела с огненным мечом, тащит с собой из рая целую корзину яблок - мало ли что может случиться! А старики, обсуждающие Шестидневную войну, словно на глазах превращаются в пророков. Его живопись достаточно условна и в чем-то напоминает мир живописи Шагала (включая летящих по небу персонажей). Причем здесь нет и речи о прямом заимствовании - скорее причина в мышлении мастера, в его восприятии мира, в котором смешиваются абстрактное и реальное, жизнь и сказка, заветы Торы и коммунальный быт.

Картины Моноссона удивительно эмоциональны. Большой цикл "Воспоминание о местечке" включает в себя самые разные работы - от страшного "Холокоста", вызывающего невольные ассоциации с персонажами "Герники" Пикассо, до романтической "Молитвы". В картине "Пожар" среди огня мечутся люди-тени,

скорбью полны герои полотна "Тень", скорбью наполнен и портрет матери, погибшей во время Холокоста. "Пир Вальтара" источает ужас.

Абрам Моноссон прожил долгую и сложную жизнь. Его работы не пользовались успехом, и лишь будучи глубоким стариком, он отправился продавать свою картину на улице, надеясь выручить хоть немного денег и... познакомился с Любовью Агафоновой, директором галереи "Веллум", специализирующейся на еврейском искусстве. И та смогла по достоинству оценить его работы.

Сейчас Моноссон - достаточно известное имя, коллекционеры почитают за счастье владеть его работами, да и сам факт проведения выставки именно в ЦДХ и большой интерес к ней со стороны публики говорит о многом.

**Анна БАСКАКОВА
АЕН**